

«третьей силы» можно встретить и в других разделах монографии. Для тех, кто не знаком с современным политическим лексиконом в Грузии, придется пояснить, что под «третьей силой» обычно подразумевается Россия. Собственно говоря, Г. Чиковани прямо заявляет, что, например, «разжигание вражды между грузинами и армянами выгодно определенным силам в России» (с. 135).

Однако гораздо продуктивнее исследовать внутренние импульсы конфликтогенности, равно как и те стабилизационные механизмы, которые могут быть задействованы самим социумом. С этих позиций я считаю чрезвычайно ценной и плодотворной мысль Л. Меликишвили о том, что «одно общество отличается от другого не отсутствием в нем конфликта, а тем, как оно относится к таковому» (с. 11).

При этом очевидно, что специфика реакции общества на конфликт зависит от многих составляющих весьма широкого диапазона – от восприятия полиэтничности как сущностного элемента саморазвития социума до представления о многонациональности как о тяжком грузе исторического наследия, препятствующем строительству национальной государственности; от готовности конституционно гарантировать многообразные права меньшинств («вплоть до отделения») до ограничения возможностей их этносоциального развития в лучшем случае рамками культурной автономии; от признания ошибочности собственной стратегии в разгорающемся конфликте до склонности видеть во всех бедах злокозненные происки национальных элит, третьей силы и т.п.

Конечно, любой исповедуемый принцип можно довести до абсурда (в чем часто обвиняют сторонников «вплоть до отделения»), но в данном случае важен преимущественный фон общественных настроений, который дает возможность власти (или заставляет ее) начать сложный путь поиска взаимоприемлемых компромиссов, не прибегая к крови и насилию как к средству разрешения конфликта. Неадекватно жесткие меры, которыми руководство Грузии хотело покончить с конфликтами в Южной Осетии и Абхазии, были встречены полной поддержкой и одобрением со стороны грузинского общества, и это, пожалуй, одна из самых мрачных страниц новейшей истории Грузии. Научное значение и общественный пафос рецензируемой монографии свидетельствует, что грузинские этнографы активно включились в поиски новых подходов к решению конфликтных ситуаций на межнациональной почве, что крайне актуально для Грузии, которая по крайней мере в обозримой перспективе обречена оставаться полиэтничным государством.

Примечания

¹ Автор проекта и руководитель экспедиций Л. Меликишвили, авторский коллектив Л. Меликишвили, Н. Джавахадзе, С. Бахиа-Окруашвили, Г. Чиковани, М. Харшиладзе, Л. Хуцишвили, В. Шубитидзе, Н. Цинцадзе, К. Хуцишвили, М. Варазашвили, И. Курцхалия

² См. также: *Ицкова С.А.* Похоронно-поминальный обряд духоборов // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993.

Ю.Д. Анчабадзе

© 2000 г., ЭО, № 4

В.П. Кривоногов. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998. 320 с.

Виктор Павлович Кривоногов – ученый-полевик, работающий среди коренных народов Средней Сибири. Основное место в его работах занимает исследование современных этнических процессов у народов данного региона. Проблема этнических процессов, и в частности этнических процессов у народов Сибири, не нова. Тем не менее монография В.П. Кривоногова представляет несомненный интерес, поскольку впервые в одной работе проводится исследование этнических процессов у народов, численность которых измеряется всего лишь несколькими сотнями человек (кеты, нганасаны, тофалары, чулымские тюрки, энцы).

Как отмечает автор монографии, им не ставилась задача исследования этногенеза и древней истории этих народов, тем более что имеются работы Б.О. Долгих, В.И. Васильева, Э.Л. Львовой, А.А. Попова, Г.Н. Грачевой, Е.А. Алексеевко, Ю.Б. Симченко, С.И. Вайнштейна и других ученых. Однако события

последнего десятилетия привели к стремительному развитию этнических процессов у различных народов, и современная этническая ситуация сейчас совершенно иная, чем 20 лет назад. Поэтому существовала потребность в новой монографии, более полно и на современном научном уровне освещающей различные стороны жизнедеятельности малочисленных этносов Сибири.

Народы, ставшие объектом исследования автора, имеют просто «микроскопические» размеры. Численность в несколько сотен человек сама по себе предполагает особый характер этнических процессов у этих народов. Поэтому логично не только то, что автор показывает характер и направления современных этнических процессов, их динамику, но и то, что на основании полученных данных он дает прогноз на ближайший период. Пожалуй, один из главных вопросов данной книги – имеют ли эти «микроэтносы» перспективу существования в качестве особых, самостоятельных этнических единиц или их удел – неизбежная ассимиляция.

Центральное место в исследовании занимают данные этносоциологических опросов, проведенных В.П. Кривоноговым в 1991–1996 гг. Необходимо отметить, что в отечественной этносоциологии разработано несколько типов опросных листов для изучения современных этнических процессов. Они отличаются друг от друга незначительно – в связи с определенными особенностями изучаемых народов либо в связи с какими-то конкретными задачам исследования, так как результаты этносоциологических опросов должны быть сопоставимы, во-первых, с результатами предыдущих опросов, во-вторых, с данными по другим народам, и, в-третьих, с массовыми статистическими источниками. Анкеты, используемые В.П. Кривоноговым, видимо один из вариантов разработанных ранее опросных листов, но дополнены авторскими вопросами. Судить об этом можно лишь косвенно, по имеющимся в монографии таблицам, в которые сведены ответы на вопросы. Безусловно, помещать или нет в монографию образец опросного листа, решает сам автор. Но публикация такого образца сразу сняла бы ряд вопросов методического характера. Например, на какие возрастные группы были разделены респонденты? В разных таблицах представлены четыре варианта деления. Каким образом был сформулирован вопрос о проявлениях национализма? Как выяснялось мнение респондентов о перспективах существования своего народа? При отсутствии опросного листа хотелось бы получить наиболее полную его характеристику. Автор же ограничивается указанием на то, что опросный лист состоит из 50 вопросов и что анкеты для различных народов и разных возрастных групп несколько различаются.

Наш повышенный интерес к методике, используемой автором, можно объяснить и тем, что сама процедура опроса была уникальной. Этносоциологический опрос был проведен без определения выборочной совокупности исследования. Численность исследуемых народов настолько мала, что автором была поставлена задача охватить опросом все коренное население. И эта задача была блестяще выполнена, хотя проведение маршрутных экспедиций на значительные расстояния в условиях Сибири само по себе связано с огромными трудностями, а в этом случае оно было осложнено малочисленностью и дисперсным расселением исследуемых групп. Тем не менее среди энцев было опрошено 92% от численности этноса на своей этнической территории, среди кетов – 97,4%, среди нганасан – 98,8%, среди чулымских тюрков и тофаларов – 100%. Проведение подобного опроса, естественно, позволяет с большой полнотой и высокой степенью достоверности характеризовать этнические процессы у исследуемых народов.

Монография состоит из пяти больших глав, каждому народу посвящена отдельная глава. Для всех глав характерна единая структура: в начале главы дается краткая историческая справка, затем природно-географическая характеристика среды обитания народа, анализ демографических и миграционных процессов, этнического самосознания, характеристика этноязыковых, этнокультурных и межэтнических процессов и основные выводы, определение тенденции развития данного народа. Подобная схема описания позволяет судить о сходствах и различиях в протекающих у всех пяти этносов этнических процессах.

Первая глава посвящена тофаларам. Наибольший интерес в этой главе вызывает раздел о проблемах метисации и феномене «демографического взрыва» у тофаларов за счет почти 100%-ного выбора коренной национальности детьми из смешанных семей. Достаточно убедительно объясняются и причины подобного выбора: система государственных льгот, особая природная среда, сохранение системы традиционных хозяйственных занятий, низкая миграционная подвижность, отсутствие прессинга урбанизации. Все это приводит к достаточной устойчивости этнического самосознания.

Объект исследования во второй главе – чулымские тюрки. В начале главы дана подробная характеристика территориального размещения чулымцев. Вызывает, однако, досаду тот факт, что в книге нет ни одной карты. Другого иллюстративного материала в монографии вполне достаточно: имеется большое количество фотографий, таблиц, диаграмм, графиков и рисунков, сделанных на высоком профессиональном

уровне. Но вот карты отсутствуют, хотя сама работа изобилует географическими названиями, описаниями водных и сухопутных маршрутов, путей миграции и т.д. Достаточно было дать несколько карт, и характеристика природно-географической среды обитания данных этносов стала бы более полной и наглядной.

Значительное место в этой главе В.П. Кривоногов уделяет проблемам этнического самосознания и этнического самоопределения чулымцев, так как в отечественной науке существуют различные мнения по поводу единства или обособленности чулымцев и хакасов. Детальное изучение этнонимов чулымцев, а также подробный анализ их представлений об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках позволяют, на наш взгляд, вполне справедливо сделать вывод о том, что чулымские тюрки не являются частью хакасского этноса, а представляют собой особое этническое подразделение.

Третья глава посвящена кетам. Как и для других коренных народов, для них характерно одновременное наличие противоположно направленных этнических процессов. С одной стороны, В.П. Кривоногов фиксирует стабильную численность кетов на протяжении всего XX в., их низкую миграционную подвижность, сохранение традиционной системы расселения и традиционных хозяйственных занятий, препятствующих растворению малочисленных коренных этносов среди приезжего большинства. С другой стороны, в жизни кетов произошли и существенные изменения. Например, полностью исчезли оленеводство и традиционное жилище, неуклонно снижается доля кетов, признающих кетский язык родным, ушли в прошлое традиционные обряды и обычаи.

Большое впечатление производит раздел, посвященный *югам* – родственному кетам народу, к настоящему времени исчезнувшему. В районе традиционного проживания югов был произведен поиск их потомков, который описан в книге. В результате этой скрупулезной работы были найдены прямые потомки югов – брат и сестра, метисы с русскими, не знающие языка югов, на которых, видимо, и закончится история этого народа.

В четвертой главе исследуются этнические процессы у энцев. Процессы эти весьма своеобразны, так как помимо типичного для всех коренных народов процесса ассимиляции русским населением для энцев характерны процессы интеграции с енисейской группой ненцев. Кроме того, на этнические процессы у энцев значительное влияние оказывает дисперсный характер их расселения. Не существует ни одного населенного пункта, где энцы составляют более 20% населения. Энциам гораздо проще общаться с ненцами или русскими, чем северным и южным энцам между собой. Поэтому у них самый высокий среди исследуемых народов процент национально-смешанных семей.

Пятая глава посвящена самому северному народу – нганасанам. Автор расположил главы в географической последовательности, как бы двигаясь с юга на север. Это обосновано не только формально: движение идет от народов, в максимальной степени захваченных процессом ассимиляции, к народам, сохранившим большую этническую специфику. Хотя и у нганасан в последние годы стремительно развиваются процессы ассимиляции, в частности языковой, однако по причине их относительной изоляции они до недавнего времени были «рекордсменами» по знанию собственного языка среди других малочисленных народов Сибири. Однако, если в 1979 г., согласно переписи населения, 93,8% нганасан, живущих на Таймыре, признавали родным язык своей национальности, то в 1989 г. таковых было 88,8%, а в 1993–1994 гг., по данным опроса, их доля снизилась до 44,1%. В группе детей родным нганасанский язык назвали всего 5,9% респондентов. Эта ситуация свидетельствует о кардинальных изменениях, произошедших за последние 20 лет. В.П. Кривоногов вполне обоснованно считает, что главная причина языковой ассимиляции нганасан – исчезновение кочевого оленеводства, процесс оседания, сселение нганасан в смешанные поселки. Эти процессы взаимосвязаны и совпадают по времени.

Однако в отношении перспектив развития родного языка автору, как нам кажется, присущ излишний пессимизм. Пессимистические настроения возникают у всех исследователей, работающих в полевых условиях, особенно в удаленных от центра районах Сибири. Эти настроения порождены чувством безысходности, тяжелыми впечатлениями от очень трудной, бедной, на грани выживания жизни, которую ведут эти народы, их забытостью и ненужностью. Экономический кризис, проблемы алкоголизма и безработицы дополняют безрадостную картину.

В этой ситуации нельзя занимать позицию невмешательства, позицию исследователя, со стороны наблюдающего, как умирают уникальные языки и связанная с ними уникальная духовная культура. Автор считает, что процесс языковой ассимиляции стал необратимым, и не существует каких-либо действенных рычагов, которые могли бы остановить этот процесс (с. 142). Видимо, автор согласен и с позицией национальной интеллигенции, которая считает, что вводить изучение национальных языков в школах не

нужно, так как делать это надо было 30–40 лет тому назад, когда дети знали язык еще до школы. Между тем опыт многих народов показывает, что именно преподавание национального языка в школе, развитие национальной письменности, публикация фольклорных материалов, издание учебных и методических пособий, словарей, создание экспериментальных классов, детских языковых лагерей и площадок и другие меры в данном направлении способны резко затормозить процесс языковой ассимиляции и оказать влияние на рост этнического самосознания. Для осуществления подобных программ необходимы, конечно, и усилия Центра, и воля местных властей, а убедить последние в необходимости осуществления данных программ должны как раз результаты исследований В.П. Кривоногова, которые свидетельствуют о том, что 24,7% чулымцев, 52,1% энцев, 68,1% тофалар, 70,1% кетов, 79,5% нганасан выступают за введение в школьную программу родного языка. Если в этой ситуации не принимать никаких мер, то уже через пару десятилетий нам придется лишь наблюдать, как будут оправдываться самые мрачные прогнозы.

В заключении содержатся обобщающие выводы по всем разделам, соединяются показатели по отдельным этническим признакам, что позволяет наглядно продемонстрировать сходства и различия в развитии этнических процессов у исследуемых народов. Среди этнических процессов у всех малочисленных народов Средней Сибири ведущими, определяющими этническое развитие этих народов автор считает ассимиляцию. Особенно быстро у всех народов идет языковая ассимиляция; исчезают целые пласты духовной культуры. Значительной трансформации подверглась и материальная культура, в первую очередь жилище, сокращается использование национальной одежды.

Сохраняются прежде всего национальная пища (видимо, в ближайшее время полное исчезновение ей не грозит ни у одного народа) и традиционные занятия, особенно рыболовство и охота. К факторам, препятствующим ассимиляции, автор относит компактную форму расселения, ведение традиционного хозяйства, изоляцию от пришлого населения. В настоящее время действие этих факторов сходит на нет.

В.П. Кривоногов отмечает, что быстро и радикально меняется антропологический облик исследуемых народов, которые превращаются в смешанные популяции.

Автор дает крайне неблагоприятный прогноз будущего развития. Кратко его можно сформулировать следующим образом: ассимиляционные процессы зашли слишком далеко, повернуть их вспять практически невозможно. На наш взгляд, в этом выводе преобладает подход к ассимиляционным процессам как к явлению линейного характера. Факты стабильной на протяжении длительного времени численности этих народов, даже при наличии большого количества метисов, и сохранение четкого этнического самосознания хотя и фиксируются, но оставляются автором как бы в стороне.

Проблема ассимиляции весьма сложна и дискуссионна. Нам кажется, что уже давно назрела необходимость разработки новых концептуальных подходов к изучению современных этнических процессов, сравнения этих процессов у различных народов (т.е. по существу выявления факторов, определяющих развитие этнических процессов), совершенствования методов прогнозирования и т.д. В этом плане монография В.П. Кривоногова является очень интересным, многоаспектным, ярким и неординарным исследованием, сочетающим этнографические и социологические методы, решающим серьезные проблемы, сделанным на высоком профессиональном уровне.

Т.Б. Смирнова

© 2000 г., ЭО, № 4

О.Р. Хромов. Русская цельногравированная лубочная книга (Исследование по истории книжной культуры и технике производства). М., 1998. 219 с.

Рецензируемая книга – первое монографическое исследование русской лубочной цельногравированной книги, раскрывающее процесс изготовления подобных книг, их технику производства и место в народной художественной культуре. Это серьезный и глубокий по замыслу научный труд, стоящий на уровне современной научной мысли, основанный на многолетних кропотливых разысканиях в архивах и библиотеках, в музеях и рукописных собраниях. Следует подчеркнуть, что цельногравированная лубочная книга в отличие от печатной исследована специалистами очень слабо, и монография О.Р. Хромова существенно восполняет «белое пятно» в изучении книжной культуры.